

Христианская миссия на Дальнем Востоке и в странах АТР как форма межкультурной коммуникации: проблемы и перспективы

Андрей Владимирович Поповкин,

кандидат философских наук, научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

В статье анализируется намерение Русской православной церкви активизировать проповедь среди коренных малочисленных народов. Дается краткий обзор миссионерской деятельности РПЦ в Азиатско-Тихоокеанском регионе и прогноз развития ситуации. В качестве решения возможного мировоззренческого конфликта РПЦ и представителей коренных народов предлагается идея регионального развития.

Ключевые слова: миссионерство, православие, коренные малочисленные народы, христианская проповедь, церковь.

Christian mission in the Far East and the Pacific countries as a form of cross-cultural communication: problems and perspectives.

Andrey V. Popovkin — Cand. Sc. (Philosophy), researcher, Ethnography, Ethnology and Anthropology Dept., Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of Far East, FEB RAS, Vladivostok.

This article analyzes the intention of the Russian Orthodox Church (ROC) to promote preaching among indigenous peoples. It gives a brief review of the ROC missionary activities in the Asia-Pacific region and the forecast of its further development. The idea of regional development is proposed to tackle any possible ideological conflict between the ROC and native peoples.

Key words: missions, Orthodoxy, indigenous peoples, Christian message, church.

Актуальность обращения к теме миссионерства, особенно миссионерской деятельности Русской православной церкви (РПЦ), обусловлена недавним принятием ряда важных решений. Так, 3 февраля 2011 г. было принято заявление Освящённого архиерейского собора Русской православной церкви «О жизни и проблемах коренных малочисленных народов» [2], в котором выражены основные позиции Церкви в отношении коренных малочисленных народов. В частности, наряду с высказываниями о проблемах сохранения их языка и культуры утверждается необходимость христианской проповеди. Указанное заявление не прошло

мимо внимания Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, уже через месяц разместившей на своём сайте статью «Мнение этнографа о заявлении Освящённого архиерейского собора Русской православной церкви о жизни и проблемах коренных малочисленных народов» [5], автор которой занимает весьма критическую позицию и не скупится на едкие замечания. Тем не менее нельзя не признать справедливости вопроса, который автор ставит в конце: «Может быть, коренные народы Севера для возрождения духовности и нравственности предпочитают обращение к собственным традициям и верованиям, более органичным для их образа жизни?» [5].

Насколько нам известно, сколько-нибудь развёрнутой научной дискуссии о возможности и необходимости христианской проповеди среди коренных малочисленных народов так и не состоялось. Впрочем, следует понимать, что для церкви необходимость проповеди была установлена ещё в Евангелии: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [Мф. 28:16—20]. Однако в какой форме должна вестись проповедь, следует ли создавать для коренных народов свою поместную церковь или же им они должны быть присоединёнными к Русской православной церкви — эти вопросы открыты и подлежат обсуждению.

Несмотря на острейшую нехватку подготовленных миссионеров, в сентябре 2011 г. при Хабаровской епархии была создана комиссия по делам коренных малочисленных народов, которую возглавил иеромонах Никанор (Лепёшев). Миссионерскую деятельность о. Никанор начал с поездки в с. Сикачи Алян, которую подробно описал в полевых заметках, выложенных на сайте электронного журнала комиссии по работе с коренными малочисленными народами Севера Хабаровской епархии [1]. Его миссионерская деятельность началась отнюдь не с духовной проповеди, а с попыток организовать приезд в посёлок флюор-машины с лаборантом для помощи в борьбе с эпидемией туберкулёза [8]. Тем не менее миссионерская поездка всё-таки состоялась. Однако, как отмечает он сам, в ходе предварительных переговоров с администрацией посёлка особых восторгов его поездка не вызвала. Об этом свидетельствует разговор с главой поселения Ниной Игнатъевной Дружининой: «Из вежливости она не могла мне прямо сказать: *«Лучше не приезжайте»*, но дала понять, что не видит особого смысла в моём приезде: все сельчане, которые хотели принять православие, уже сделали это, и вряд ли найдутся новые желающие креститься» [6]. Видимо, о. Никанор не был знаком с реакцией Ассоциации КМНС на перспективу проповеди православия. Соответственно нигде в материалах возглавляемой им комиссии до сих пор нет ясного понимания конкретных шагов и промежуточных целей миссионерского движения в среде коренных малочисленных народов.

На наш взгляд, представляет интерес рассмотреть сегодняшние усилия церкви в развитии миссионерства на Дальнем Востоке в историческом контексте. Миссионерская деятельность в Азиатско-Тихоокеанском

регионе всегда была для Русской православной церкви серьёзным вызовом, на который она в разные исторические периоды отвечала с большим или меньшим успехом. Миссионерская практика в каждой из стран Восточной Азии имела свои особенности и довольно существенно отличалась от деятельности РПЦ на российском Дальнем Востоке.

Пожалуй, наиболее специфична православная миссия в Китае. Начало ей положила необходимость окормления пленённых албазинцев и их потомков, вопрос о проповеди православия среди местного населения поначалу даже не ставился. Напротив, в первой половине XVIII в., по сути, действовал запрет на проповедь среди китайцев. Однако после постепенной утраты албазинцами русского языка появилась необходимость окормления их уже на китайском языке, что и дало начало проповеди среди китайцев. Наибольшую роль в этом сыграл о. Палладий (Кафаров).

Правда, поначалу он отнёсся к указанию начать активную проповедь среди китайцев скептически, полагая необходимым решить ряд сложностей богословско-лингвистического характера и подготовки достаточного количества грамотных и говорящих по-китайски миссионеров.

Его опасения не были беспочвенны. Это обнаружилось в таких событиях, как восстание тайпинов и печально известное «боксёрское» восстание. Первое было инспирировано китаизированной версией христианства (протестантского направления). Как известно, лидер тайпинов именовал себя «младшим братом Христа» и был убеждён, что восстание санкционировал не кто иной, как Бог-Отец; здесь христианство причудливо переплетается с сугубо китайской концепцией «небесного мандата», единственно дающего право на власть в Поднебесной.

В свою очередь, «боксёрское» восстание было болезненной реакцией на вторжение западных миссионеров во внутрикитайскую политику. Особенно преуспели иезуиты, зачастую выступавшие проводниками колонизаторской политики западных государств. В результате восставшие, стремясь уничтожить это влияние, взялись за физическое истребление христиан. Именно это восстание положило начало цепи православных мучеников-китайцев.

Православные миссии в Японии и особенно в Корее изначально нацеливались на обращение местного населения. Миссия в Японии, в первую очередь, связана с деятельностью святителя Николая Японского. Он оценивал духовное состояние японского общества как весьма перспективное для проповеди: «...здесь атеизм высших обществ и индифферентизм низших происходит прямо и положительно от недостаточности религиозных учений, от того, что народ исчерпал их до дна и они больше не удовлетворяют его» [9, с. 35]. Поражает меткость характеристик традиционных религий Японии: так, он указывает, что синто «...обратился у экзегетов в национальное, чисто гражданское учреждение; всем мельчайшим подробностям его приписано самое высокое значение для поддержания народного духа...» [9, с. 46]. В дзен-буддизме, по мнению святителя, «...человек берёт лишь на себя своими силами, лишь по примеру Будды, а не при содействии его, достигнуть верховного блаженства», а в буддизме «Чистой

земли» главенствует «...учение о любвеобильности Будды, готовности его спасти человека по первому призыву, о недостаточности собственных сил человека для спасения и о благодати...» [9, с. 50—51]. Конфуцианство, с которым в китайских православных миссиях связывались надежды, приведшие к немалым разочарованиям, характеризуется святителем Николаем Японским как «...сам Китай в его характеристически хороших чертах» [9, с. 57], но «...школа у японцев вовсе не имеет такого великого значения, как у китайцев, где всё государство управляется школярами...» [9, с. 58] и потому святитель не возлагал больших надежд на христианское восполнение конфуцианства, хотя и положительно отзывался об интеллектуальной живости последователей этого учения.

Пожалуй, наиболее успешной в дореволюционный период была деятельность Русской православной миссии в Корее, впоследствии наиболее пострадавшей от действий советского правительства. Мы не будем рассматривать эти вопросы подробно. Оптимизм обзорной статьи М. В. Шкаровского «Русская православная духовная миссия в Корее» [12] по поводу возобновления православной миссии в Корее (КНДР), к сожалению, преждевременен, ибо, по свидетельству побывавшего там в конце апреля 2012 г. Д. В. Гордеева (преподавателя кафедры теологии и религиоведения ДВФУ), единственный православный храм в Пхеньяне действует практически в режиме музейного экспоната и посещается лишь членами российского посольства.

Существенно иначе выглядела православная миссия на российском Дальнем Востоке, где проповедь христианства имела характер освоения культурного пространства. Эти тенденции получили развитие и в просветительской деятельности миссионеров, в их усилиях по созданию системы здравоохранения. Присутствовало даже своеобразное «прогрессорство», когда вместе с верой миссионеры старались приобщить коренное население к благам цивилизации: научить их новым формам хозяйствования, приготовления пищи, гигиене и т. п. Особенно нуждалось местное население в качественной медицинской помощи. Вот как описывает ситуацию в начале XX в. митрополит Нестор: «Медицина на Камчатке была в плачевном состоянии. Несчастные обитатели этой заброшенной российской окраины почти поголовно болели чесоткой из-за того, что никогда не мылись и носили на голом теле несменяемую кухлянку.. От дыма и грязи в жилищах большинство из них болели трахомой» [4, с. 86].

Особое место в работе миссий занимал вопрос о национальных языках. В этом отношении следует отметить деятельность династии Протодиаконовых, усилиями которых переводились богослужебные тексты на языки коренных малочисленных народов, велась организация духовного обучения на национальных языках [3; 10, с. 111—112]. Однако административным решением в 1890 г. было постановлено «...обучать детей инородцев только на русском языке» [11]. Это недальновидное решение существенно осложнило перспективы подлинного глубокого взаимодействия христианской культуры с культурами коренных малочисленных народов.

Современное миссионерство РПЦ на Дальнем Востоке имеет ряд существенных отличий от дореволюционной практики. В первую очередь это связано с тем, что само миссионерство рассматривается практически как форма межкультурного диалога. Имеется ясное осознание необходимости поиска взаимопонимания с носителями культуры коренных народов. Мотив «прогрессорства» отсутствует. На смену ему пришла благотворительная деятельность, в которой коренные малочисленные народы в наши дни, к сожалению, нуждаются не меньше, чем в дореволюционный период. Особенно следует отметить нацеленность РПЦ на сохранение национальной культурной специфики. Теоретико-религиоведческим основанием такой возможности выступает гипотеза прамонотеизма, утверждающая, что повсеместно распространённый у коренных малочисленных народов Дальнего Востока шаманизм, с его верой в духов, является формой деградации древнейшего монотеизма. Для такой гипотезы имеются веские основания — в мифологиях этих народов есть указание на Духа-Творца (Эндури), стоящего намного выше духов, с которыми вступают в общение шаманы.

Существенной особенностью, осложняющей православную проповедь, является тот факт, что традиционное язычество видится многими представителями коренных малочисленных народов основой сохранения национальной духовной культуры (ситуация аналогична той, что застал свт. Николай Японский в отношении к синто). В реальности же, по признанию большинства этнографов, традиционное шаманство можно считать разрушенным. Под маской возрождения традиционных верований фактически проповедуется неоязычество, о чём свидетельствует глава Хабаровской епархиальной комиссии по делам коренных малочисленных народов о. Никанор (Лепёшев): «...все они, независимо от духовной самоидентификации, о предметах религиозных говорят исключительно на нью-эйджевском новоязе: «связь с космосом», «тонкие энергии», «биополя» и т.д. Их сознание не меньше, если не больше, чем русское, замусорено попсовым псевдонаучным неоокультизмом. И даже свои традиционные языческие верования они воспринимают теперь исключительно сквозь эту „экстрасенсорную“ призму...» [7].

В имеющейся ситуации можно дать следующий прогноз. Прежде всего, православное миссионерство, безусловно, будет развиваться. Однако неизбежно столкновение неоязыческих тенденций в среде коренных малочисленных народов с православной проповедью. Успех миссии будет определяться тем, насколько ясно Церковь покажет перспективу сохранения традиционной культуры коренных народов при условии принятия ими христианства.

Попробуем в первом приближении подумать, что может предложить Церковь коренным народам Дальнего Востока, что могло бы их сблизить? Как ни странно, ответ лежит настолько на поверхности, что на него мало кто обращает внимание. Чтобы его увидеть, надо, прежде всего, вспомнить, что Русская православная церковь — это церковь поместная, что означает утверждение ею своей связи с землёй, на которой она

расположена. Это проявляется даже в титуловании епископов, например, чаще говорят епископ «камчатский» или «уссурийский», но не епископ Камчатки или Уссурийска, как бы подчёркивая, что не только территория подвластна епископу, но и он принадлежит ей, точнее, находящейся там церковной общине. Принадлежность своей земле ещё в большей степени проявляется в культуре почти всех представителей коренных этносов Севера и Дальнего Востока. Так, название «нанайцы» происходит от «нани» — человек земли.

Таким образом, общность земли, занимаемой дальневосточными митрополиями РПЦ и коренными малочисленными народами, заинтересованность в её процветании может выступить объединяющей идеей. Ведь процветание российского Дальнего Востока, Тихоокеанской России немыслимо без культурного расцвета всех населяющих её народов, особенно тех, которые справедливо полагают себя её неотъемлемой частью.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Журнал комиссии по работе с коренными малочисленными народами Севера Хабаровской епархии. URL: <http://blogs.pravostok.ru/aborigens/>.
2. Заявление Освящённого архиерейского собора Русской православной церкви о жизни и проблемах коренных малочисленных народов. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401214.html>.
3. Лынша О.Б. Деятельность православных миссионеров по развитию школьного образования среди коренных народов Нижнего Амура во второй половине XIX в. URL: <http://pribaikal.ru/project-item/article/4922.html>.
4. Митр. Нестор (Анисимов Н.А.). Моя Камчатка. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2001.
5. Мурашко О. Мнение этнографа о заявлении Освящённого архиерейского собора Русской православной церкви о жизни и проблемах коренных малочисленных народов. Официальный сайт АКМНС и ДВ РФ. URL: <http://www.raipon.info/home/1-novosti/1732-mnenie-jetnografa.html>.
6. Прот. Никанор (Лепёшев). Сикачи Алян, глава I // Журнал комиссии по работе с коренными малочисленными народами Севера Хабаровской епархии. URL: <http://blogs.pravostok.ru/aborigens/2012/02/28/sikachi-alyan-glava-i/>.
7. Прот. Никанор (Лепёшев). Сикачи Алян, глава IV // Журнал комиссии по работе с коренными малочисленными народами Севера Хабаровской епархии. URL: <http://blogs.pravostok.ru/aborigens/2012/03/02/sikachi-alyan-glava-iv/>.
8. Прот. Никанор (Лепёшев). Эпидемия // Журнал комиссии по работе с коренными малочисленными народами Севера Хабаровской епархии. URL: <http://blogs.pravostok.ru/aborigens/2012/02/16/61/>.
9. Свт. Николай Японский. Япония с точки зрения христианской миссии // Избранные труды святителя Николая архиепископа Японского. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006.
10. Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л.: Просвещение, 1972.
11. ЦГА ДВ. Ф. Р-2411. Оп. 1. Д. 2. Л. 416—515 (цит. по: Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л.: Просвещение, 1972).
12. Шкаровский М.В. Русская православная духовная миссия в Корею. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/465367.html>.